

ПРОЩАНИЕ С ОФШОРАМИ

ДЕОФШОРИЗАЦИЯ СТАЛА ОДНИМ ИЗ САМЫХ ВАЖНЫХ И РАСТЯНУТЫХ ВО ВРЕМЕНИ СОБЫТИЙ ПРОШЛОГО ГОДА. 1 АПРЕЛЯ – ПОСЛЕДНИЙ СРОК, КОГДА РОССИЯНЕ МОГУТ ЗАДЕКЛАРИРОВАТЬ ПРЯМОЕ ИЛИ КОСВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЯХ И СТРУКТУРАХ БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА. ОБ ИДУЩЕМ ПРОЦЕССЕ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТАХ **SPEAR'S RUSSIA** РАССКАЗАЛИ ВЕДУЩИЕ НАЛОГОВЫЕ КОНСУЛЬТАНТЫ СТРАНЫ.

МАКСИМ РОВИНСКИЙ

**Адвокат, партнер, руководитель практики
налогового и таможенного права
юридической фирмы «ЮСТ»**

О конкретных результатах деофшоризации говорить пока что рано. В течение предыдущего года можно было наблюдать скорее за настроенным ожиданием бизнеса и консультантов, за попытками повлиять на центры принятия решений в целях борьбы за смягчение готовящихся законодательных изменений, чем за планомерной подготовкой к новым правилам игры. Не многие к началу 2015 года подошли с готовыми вариантами решений, еще меньше – с утвержденной и запущенной в реализацию системой мероприятий.

На это повлиял ряд факторов: существенные пертурбации, происшедшие с текстом основного законопроекта по деофшоризации, окончательное принятие закона только в конце года (24 ноября 2014 года) и, конечно, финансовая турбулентность, вызванная международными санкциями в отношении России и падением

цен на нефть. При этом еще в начале проработки законодательной инициативы, когда экономика была более стабильной, специалисты предупреждали, что даже смягчение существовавших проектов вряд ли приведет к положительному эффекту без одновременного объявления налоговой и валютной амнистии.

По итогам прошедшего года отток капитала из России составил вдвое больше, чем прогнозировали Минэкономразвития и Центробанк. Конечно, внимание бизнеса во второй половине года существенным образом сместилось с налогообложения на противодействие кризисным явлениям. Вместе с тем полагаю, что влияние на увеличение объемов бегства капитала оказали и сама неопределенность в налоговой сфере, и стремительность вступления в силу принятых изменений, и отсутствие провозглашенных вариантов освобождения от ответственности за допущенные в прошлом нарушения.

Поэтому возможный положительный эффект от принимаемых антиофшорных мер в настоящее время полностью нивелируется тем, каким об-

Текущее положение дел с деофшоризацией не устраивает никого. Чем дольше откладывать профессиональный и трезвый анализ ситуации, тем более трудным будет неизбежный возврат к этим задачам

разом и в каких конкретных исторических условиях они принимаются.

Консультанты уже готовы предлагать оптимальные решения с учетом новых правил. В каких-то случаях это означает возврат активов в Россию, в других – изменение схемы владения, управления и финансирования, а в некоторых – возможно, и планирование резидентства бенефициаров. Однако многие бизнесмены вынуждены откладывать реструктуризацию, урезать бюджеты и концентрироваться на текущих проблемах.

Поэтому можно сказать, что текущее положение дел с деофшоризацией не устраивает никого: ни власть, ни бизнес, ни консультантов. В одном можно быть уверенным: чем дольше откладывать профессиональный и трезвый анализ ситуации и принятие решений, тем более трудным и затратным будет неизбежный последующий возврат к этим задачам.

РУСТЕМ АХМЕТШИН

Старший партнер «Пепеляев Групп»

Деофшоризация – не один, а сразу несколько процессов, у которых разные задачи, а потому разные ожидания и результаты. Во-первых, это то, что чаще всего упоминается в СМИ: «возврат капиталов». Но решение о том, куда вкладывать деньги, бизнесмен принимает исходя из множества факторов, включая инвестиционный климат, экономическую и политическую ситуацию. Вряд ли эти показатели сегодня работают на возврат капиталов в Россию. Правительство правильно думает над новыми стимулами для привлечения инвестиций, но оценить, насколько они работают, сейчас сложно.

Во-вторых, деофшоризация – это справедливое налогообложение доходов. В этом вопросе лед тронулся, и очень серьезно. Только что принятый закон о контролируемых иностранных

компаниях вводит ряд новых концепций, которые препятствуют минимизации налогов через использование зарубежных структур. Не менее важно, что меняется правосознание, общее понимание того, что можно считать законным и правильным, а что нет. Растет компетентность налоговых органов. Конечно, поиск справедливого баланса неизбежно влечет разногласия между бизнесом и государством, а судам придется вырабатывать позицию по многим новым вопросам. Главное, чтобы при этом учитывались не только краткосрочные интересы бюджета.

В-третьих, деофшоризация – это повышение прозрачности бизнеса, раскрытие действительных собственников активов. Конфиденциальность, в том числе со вполне законными намерениями, всегда была одной из главных целей вывода капитала за рубеж. Поэтому раскрытие информации вызывает серьезное беспокойство даже у вполне законопослушных бизнесменов. С другой стороны, понятно, что в тихом омуте может твориться бог знает что, и стремление государства покончить с этим вполне разумно и очевидно. Но с этой точки зрения деофшоризация пока не принесла ощутимых результатов. То, что было всем известно раньше, известно и теперь. Впрочем, это лишь начало, и я бы не рекомендовал бенефициарам полагаться на конфиденциальность даже в среднесрочной перспективе.

По моим наблюдениям, бизнес сегодня внимательно изучает обе возможности: вернуть капитал в Россию, раскрыть себя как бенефициара или перевести капитал куда-то еще дальше, сохранить конфиденциальность, а возможно, даже стать налоговым резидентом другой страны. Всегда существовал и будет существовать широкий спектр бизнесменов – от тех, кто не только живет по закону, но и стремится избежать любой конфронтации с государством, до «серых» и даже тех, кто готов сознательно нарушать закон. Поэтому и стратегии тоже отличаются. Однако «светлая часть» спектра если до сих пор не реструктурировала свой бизнес, то занимается проработкой этого вопроса.

Мне кажется, принимая закон о деофшоризации, правительство и не ожидало быстрых результатов. Процесс сложный, и другие страны тоже сталкиваются с похожими трудностями. Поэтому результаты, которые уже достигнуты, вполне соответствуют ожиданиям.

АННА ВОРОНКОВА

Партнер, руководитель группы по оказанию услуг в области международного налогообложения КПМГ в России и СНГ

Нормы закона о контролируемых иностранных компаниях вступили в силу совсем недавно, с 1 января 2015 года. Поэтому сейчас говорить о каких-либо конкретных результатах пока рано. Многие группы сегодня проводят комплексный анализ своих структур с целью оценки «масштабов бедствия» в свете нового законодательства. Диагностика проводится как самостоятельно, так и с помощью профессиональных консультантов.

Тем не менее уже есть первые примеры реакции бизнеса на «деофшоризационный» закон. В прессе появлялось несколько сообщений о том, что крупные бизнесмены решили вернуть свои активы в Россию. Аналогичные истории мы видим и среди наших клиентов. Так как изначально закон был направлен на возврат капитала в Россию, такие примеры можно назвать ожидаемыми итогами деофшоризации.

Но давать общую оценку действиям антиофшорных мер, основываясь на такой практике, все же преждевременно. Одним из факторов, который повлияет на принятие бизнесом решения о дальнейшей стратегии в рамках деофшоризации, станет принятие законопроекта об амнистии капитала. Такая инициатива прозвучала в обращении президента к Федеральному Собранию, но сегодня законопроект еще находится на стадии разработки.

Для большинства бизнесменов важными аспектами в принятии решения о выборе структуры владения активами становятся не только налоговые вопросы, но и выбор применимого права для фиксации договоренностей с бизнес-партнерами и возможности использования механизмов защиты активов. В связи с этим далеко не все собственники переводят владение всем бизнесом в Россию.

Тем не менее новое законодательство позволяет признать иностранные компании российскими налоговыми резидентами. Это позволит уплачивать налоги в РФ и одновременно воспользоваться преимуществами иностранного права.

Некоторые собственники бизнеса рассматривают смену налогового резидентства, что позволит сохранить текущую структуру владения без необходимости уплачивать налоги с прибыли иностранных компаний в РФ и раскрывать информацию об офшорных компаниях российским налоговым органам. Великобритания, Швейцария и Монако наиболее часто рассматриваются нашими клиентами в качестве юрисдикций для смены налогового резидентства, в том числе в связи с наличием в данных странах льготных режимов налогообложения доходов физических лиц. Использование более сложных персональных холдинговых механизмов в рамках существующих структур владения, в том числе для снижения налоговых последствий, связанных с применением нового закона, также в настоящее время интересно нашим клиентам.

АЛЕКСАНДР ЗАХАРОВ

Партнер Paragon Advice Group

Некоторые публичные компании и высокостоятельные российские налогоплательщики из первой десятки Forbes по известным всем причинам приняли решение ликвидировать контролируемые иностранные компании и структурировать свое владение через российские юридические лица. Вместе с тем многие заинтересованные лица продолжают и после вступления в силу антиофшорных изменений в налоговый кодекс рассматривать как законные, так и неправовые способы сохранения своих зарубежных возможностей. Конечно, на ряд лиц, кто принял решение вернуться на родину, повлияла иници-

атива многих стран начать с 2017–2018 годов автоматический обмен налоговой информацией. Пока к ним не присоединились единицы из известных россиянам юрисдикций – поддерживаемой США Панамы, а также несколько других менее популярных стран, включая Вануату. ФНС России обещает начать автоматический обмен с 2018 года.

Основным способом выхода из-под обязательств по раскрытию участия в иностранных структурах и последующего уведомления о наличии контроля является утрата российского налогового резидентства, поэтому широким спросом сейчас пользуется возможность получения вида на жительство в удобных государствах или вторых паспортов. Самым доступным сегодня можно назвать гражданство крошечного острова Доминики. Отказываться от российского гражданства для этого не надо, а вот отсутствие постоянной регистрации по месту жительства поможет также освободиться от обязанности уведомлять миграционную службу как о виде на жительство, так и о втором гражданстве.

Что касается малого бизнеса и частных лиц, то их возможности по использованию офшоров в большей степени ограничили высокая волатильность рубля и катастрофическое падение его курса к доллару США после решения Банка России об отказе от валютного коридора.

Таким образом, деофшоризация в настоящее время сделала невозможным контролирующее участие (свыше 25%) для российских налогоплательщиков в совместных иностранных предприятиях без вытекающих последствий в форме дополнительных расходов на уведомление российского налогового органа и обеспечения подготовки и сдачи различной отчетности, особенно через большую аудиторскую четверку.

С другой стороны, на массовой основе использование офшоров уйдет в тень, чтобы избежать лишнего внимания контролирующих органов. Уже сейчас активно продвигается сервис номинальных бенефициаров, не являющихся российскими налогоплательщиками. Также важно заметить, что гибридные комплексные структуры с использованием нескольких юрисдикций все еще не по зубам российским государственным органам, однако это дорогой и не массовый продукт, который могут предлагать далеко не все игроки рынка юридических услуг. **‘S**

Уже есть первые примеры реакции бизнеса на «деофшоризационный» закон: появлялось несколько сообщений о том, что крупные бизнесмены решили вернуть свои активы в Россию. Такие примеры можно назвать ожидаемыми итогами деофшоризации

